

Как следствие — завышенная цена на товар без возможности его более масштабного тиражирования и соответствующего роста общественного эффекта «на масштабе». Тем самым подтверждается гипотеза о том, что современная модель защиты объектов интеллектуальной собственности приводит к расточительству ресурсов общества [1]. Во-первых, предприниматели тратят время на создание монополии и слишком мало на само производство товара. Во-вторых, возникают и растут трансакционные издержки, связанные с содержанием соответствующей инфраструктуры и снижающие на макроуровне маржинальную и общественную полезность интеллектуальной деятельности.

Основное внутреннее противоречие заключается в несовместимости сущности интеллектуального продукта как результата всеобщего труда и частной формы ее основного проявления, а отсюда сложность решения проблемы оптимального соотношения между такими двумя условиями существования собственности на интеллектуальный продукт, как частная монополия и ее антипод — общественное достояние. Определение разумных границ этой монополии на протяжении вот уже более чем двух веков является одной из главных методологических проблем «интеллектуального» (патентного и авторского) права.

Рассматривая вопрос об активизации применимости объектов интеллектуальной собственности с точки зрения всего общества, необходимо сконцентрировать внимание на проблеме организации процесса по извлечению полезного эффекта из объекта собственности. Одним из антикризисных направлений может стать работа по приданию интеллектуальному ресурсу свойства *общественной полезности*. На практике действие такого организационно-экономического механизма означает, что от патентообладателя, функционирующего на внутреннем рынке интеллектуальных продуктов, потребуется выдавать неисключительные лицензии всем желающим национальным компаниям, также с целью широкого применения интеллектуального продукта внутри страны обязать компанию, получившую внешнюю лицензию, выдавать сублицензии другим национальным производителям. При необходимости демпфирования последствий возможного кризиса посредством масштабной диффузии национального интеллектуального продукта внутри страны возможно ограничить ставки лицензионных платежей либо, что более предпочтительно, объявить *временный мораторий* на защиту объектов интеллектуальной собственности национальных патентообладателей, сохраняя их в режиме ноу-хау. Одновременно это может стать неплохой экономической «песочницей» для экспериментальной отладки новых подходов к функционированию интеллектуальной собственности как современной институциональной инфраструктуры постиндустриальной экономики.

Источники

1. Nordhaus, W.D. Invention, Growth and Welfare. A Theoretical Treatment of Technological Change. — Cambridge MA : MIT Press, 1969. — 168 p.

А.В. Ковалёв, канд. экон. наук, доцент
kavaliou.aliaksandr@gmail.com
БНТУ (Минск)

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДЕНЕГ К. МЕНГЕРА

Рост интереса к теории денег в последние два десятилетия был обусловлен поиском новых инструментов регулирования в условиях падения эффективности кредитно-денежной политики после мирового финансового кризиса и необходимостью формирования

мнения монетарных властей по отношению к новому явлению экономической действительности — криптовалютам. Хорошая денежная теория должна непротворечно взаимосвязать вопросы происхождения денег, источника ценности денег и их функции. В этой связи представляется актуальным обратиться к взглядам одного из основоположников эволюционной теории происхождения денег К. Менгера.

В концепции Менгера на роль денег выдвигается товар с наибольшей способностью к сбыту. Обладание подобным товаром обеспечивает его владельцу преимущество (облегчает косвенный обмен), и потому экономический интерес хозяйствующих субъектов безо всякого законодательного принуждения или общественного соглашения по мере осознания данного преимущества ведет к возникновению денег. Подобный подход, но с выделением в качестве основной функции не средства обмена, а меры ценности, разделяет и Маркс.

Важно отметить два аспекта теории Менгера. Во-первых, она исключает возможность изначального признания в качестве денег какого-либо необеспеченного «знака», поскольку теории денег у него логически предшествует теория способности товаров к сбыту — и, конечно же, речь идет об экономических благах, обладающих изначально ценностью не только в обмене, но и в потреблении. При этом одним из факторов, расширяющих способность к сбыту, является возможность спекуляции, т.е. поглощения избытков товара. Во-вторых, Менгер вообще отказывает государству в какой бы то ни было роли в процессе возникновения денег. Теория общественного договора Аристотеля и хартажно-государственная теория Кнаппа разбиваются об аргументы исторического и логического характера. Открытие народов, находившихся на догосударственной стадии развития, показало возможность наличия у них товарных денег. Открытие же Мексики европейцами застало местные народы на стадии существования государства и этапе развития денежной системы, когда происходил отбор одного из нескольких товаров, претендовавших на роль денег. Логический же аргумент состоит в том, что невозможно придумать социальный институт, которого никогда не существовало!

На более поздних стадиях развития денежной системы государство способно оказать влияние на ее развитие. Отбор какого-то блага в качестве средства исполнения обязательных платежей государству увеличивает его способность к сбыту и логично усиливает присущий ему характер денег. Чекан государством монеты удостоверяет вес и пробу слитка, чем сокращает трансакционные издержки (данную функцию может выполнить любой заслуживающий доверия частный субъект, однако у государства есть несомненные преимущества, заключающиеся в известности, признании и способности карать и предупреждать монетные преступления). История ВКЛ демонстрирует, что возможна организация эффективной конкурентной монетной системы без признания какого-либо денежного актива узаконенным платежным средством. При развитом бумажном обращении государство способно принудительно ввести в качестве законного платежного средства фиатные деньги, но для функционирования в качестве денег все равно требуется признание их рынком в качестве универсального средства обмена.

Утверждения некоторых исследователей о неполноте эволюционной теории денег на том основании, что криптовалюты без признания их в качестве законного платежного средства не стали деньгами, представляются не совсем корректными, поскольку эволюционная теория предполагает конкуренцию за право выполнять роль денег, а в современном обществе данная конкуренция как раз и ограничена правительствами в пользу собственных платежных средств.